

АВГУСТ

[1 Августа 1900 г. СПб.]

Письмо Н. Рериха к Е. И. Шапошниковой

Хорошая моя, славная моя,

Твоё письмо встревожило меня. Как же Твоё здоровье? Прошла ли слабость? Спешу окончательно Тебя успокоить, что всё благополучно. Особенно скверно чувствовал я себя в Воскресенье – прямо места не находил, ноги дрожали, думал, что заболел. Но в Понедельник, когда приехала Мама, несмотря на новую усталость, я чувствовал себя всё же лучше, а сегодня всё прошло. Говорят, за эти дни я осунулся, но это пройдёт.

Сейчас вернулся дядя. Мама не только не упрекала меня, но очень благодарилась и была довольна, ибо всё было очень торжественно и хорошо.

Мне кажется, что после этого мы будем с ней несравненно ближе и сердечнее. Сестра с братом Володей осталась на Кавказе, ибо у него в Кисловодске сделалась перемежающаяся лихорадка с температурой 40. И Ваши не остались бы в Кисловодске, ибо там бывает эта неприятная болезнь.

Твои известия о Екат[ерине] Вас[ильевне] прямо трогают меня – будь с нею ласкова, мы будем с ней очень хороши.

Миленья моя, уж как же хочется мне обнять Тебя – мою хорошую и сердечную. Что же... [зачёркнута одна строка] Твоё письмо вчерашнее я перечитывал раз 10. Вечером я почувствовал, что оно лежит в ящике – так и оказалось.

Сейчас еду на кладбище.

Всех целую. Странно, что на похоронах было больше моих знакомых, нежели друзей отца. Видно, он им больше не может быть полезен. Пиши, милая. У нас хорошая, светлая любовь, из которой можно сделать многое доброе.

Милая, хорошая, дорогая, смотри, даже несчастье нас ещё больше сближает – это добрый знак.

Твой весь.

Н. Р.

Вторник, 11 ч. утра.

Всё-таки как я устал за это время.

Я думаю, что приеду к Тебе раньше, чем в Окуловку – отдохнём.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/435. 2 л.

*****
2 августа 1900 г. СПб.

ХРОНИКА

Семья покойного Константина Фёдоровича Рериха приносит свою сердечную благодарность всем выразившим участие в постигшем её горе.

В четверг, 3-го августа, в девятый день кончины Константина Фёдоровича Рериха, будут отслужены заупокойная литургия и панихида в церкви во имя Иоанна Богослова на Смоленском кладбище. Начало литургии в 10 час. утра.

Новое время. 1900. 2/15 августа. № 8772. Воскресенье. С. 1.

*****

4 Августа [1900 г.] СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

4 Авг.

Пятница. В мастерской.

Милая моя,
отчего я не получил Твоего письма вчера? – я ждал. Пишу из мастерской. Как я, однако, стал уставать это время. Пописал 3 часа и уже ни к чему не пригоден – какая-то апатия. Хочется мне поскорей к Тебе приехать. Думаю, через неделю приеду; отправлю дядю и приеду. Вчера был 9-ый день, была панихида, потом завтрак, гости, приходилось говорить с ними, а в душе посылать к чёрту, ибо все хлопоты и глупейшие формальности окончательно растрясли мои нервы. Как это всё глупо! Меня очень тревожит, почему нет Твоего письма, – ведь Твои нервы это тоже сложнейшая механика и могут причинить Бог весть какие невзгоды.

Не найдётся ли ещё какой-либо старухи со строгим лицом; мне нужно будет. Как охотники? – привезу ружьё.

Вчера видался со Стасовым; словно бы опять внимательнее стал, а впрочем чёрт его знает.

Хочу, чтобы Ты завтра получила эту записку и ответила о здоровье, а потому тороплюсь опустить.

Если б Ты знала, до чего я устал это время! Иногда прямо пошевелить рукою не хочется!

Милая моя, хорошая! Только Ты то будь здорова, а то меня совсем убьёшь.

У брата в Пятигорске кажется тиф – вот напасть! Всех целую

Твой Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/434, 2 л.

[5-7 августа 1900 г. СПб.]

Письмо Н. К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Милая Ладушка, что это со мною случилось! – сегодня у меня заболели ноги в коленях. Чувствую, словно бы, кости соскочили и расхлябались. Дядя говорит, что это пустое, велел намазать йодом и дать ногам отдых, т.е. посидеть и полежать, но всё же я сегодня не мог стоя работать и уже к 12 час. вернулся из мастерской. Вот-то ещё история! И какое это неприятное, а иногда и болезненное ощущение. У Тебя бывало ли нечто подобное?

Вчера забыл написать Тебе про холст. Конечно, замазывай его сколько угодно. Интересно, что-то у Тебя выйдет.

Напиши, как-то глаза Твои? Коли что, пожалуйста, не утруждай их. А я всё нахожусь в раздражении из-за невозможности видиться с Тобой раньше 12-го; раздражение настолько сильно, что даже не могу написать хорошего письма. Смотри, какая странность: не могу написать Тебе хорошего письма из-за раздражения, а раздражён, ибо не могу Тебя видеть; получается какой-то круг. Перечитал письмо Твоё, и мне показалось, что Тебе будто не хочется, чтобы я

приезжал после 12-го, когда Ваши вернутся? Так это или нет? Везти ли духи или у Тебя они есть ещё?

Заказал приготовить 75 патронов.

Дядя иногда бывает невозможен. Во время службы и на панихидах он смешит. То пристанет ко мне, отчего диакон не ему первому кадит, или выдумывает что-либо такое из его Парижских новых походов, что не знаешь, куда деваться. Он там побывал во всех кабачках в Раю, в Аду и т. п.

Посылаю Тебе образец <...> сочувствия, полученного мною; удивительный образчик пошлости.

Как мне хочется слышать игру Твою. Она меня успокоила бы. А то все мысли разорваны, и я словно из седла вышиблен. Чем больше думаю, тем более убеждаюсь, что наша любовь хорошая. И даже хорошо, что нам приходится переходить всякие испытания, на них чувство закаляется и страшно приятно сознание во время передрыги, что в присутствии любимого человека было бы гораздо лучше. Тогда любимого человека ощущаешь ещё ближе.

Люблю я Тебя Лада моя хорошая, крепко люблю. Работай моя милая, но не надрывайся тоже, силы нужны и мы, владея всем искусством, сделаем многое.

Целую Екат[ерину] Вас[ильевну] как родную.

Мне очень нужны Твои письма, пиши, милая, иначе мне не хорошо.

Ноги забинтованы, сижу как старик.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/432, 2 л.

[6 -7 Августа 1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Хотя только что опустил письмецо к Тебе, моя хорошая, как получил Твоё и не могу ещё не приписать строчку. Напрасно Ты тревожишься, кроме усталости и раздражения у меня ничего нет. А раздражение оттого, что не могу сейчас же приехать к Тебе. Самое близкое могу приехать 12-го, выехав вместе с дядей, до того времени меня никак не выпустят.

Что это глаза у Тебя какие? – всё болят; надо осенью серьёзно лечить их.

Как хотелось бы ехать к Тебе, а тут сиди! – Это чёрт знает что! Спешу от-
править.

Твой Н. Р.

Сперва я поеду к Тебе, а на Окуловку уже потом, и к 20-му дню уже не поеду в СПб. Всё равно теперь каждый день панихиды служат.

Ужасно скверное состояние, просто боюсь, до того устал. Ведь Ты поиграешь мне? Не правда ли?

Когда же, наконец, всё пойдёт хорошо.

Не сердись, миленькая, за скверные письма, но прямо душевно изнемогаю. Надо к Тебе.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/433, 1 л.

*(Вторник, 8 [Августа 1900 г. СПб.]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.*

Вторник, 8-го вечер

Пишу в ужасной обиде на Тебя, Ладушка; выходит безобразие – вместо 6, даже 7 обещанных писем я получил только 4. Чувствую себя обиженным, обойдённым. И ноги-то болят, и Боткин сегодня заставил 4 1/2 часа по Музею топтаться, и Куинджи уехал, не сказавшись мне, в Париж на выставку, и два уже дня мне не приходится быть в мастерской, и дядя забраковал вконец мою сказку, и кажется мне, глаза Твои разболелись, и к довершению ещё не получаю Твоей весточки. Нет, за что спрашивается? Свинство, милая, и если завтра не получу Твоего письма, рассержусь, и рассержусь заслуженно.

Выезжаю в Четверг и буду [в] Пятницу утром. Надеюсь, что хоть встретить придёшь. Мне в Сентябре, кажется, придётся ехать в Копенгаген сопровождать наследника в качестве художника. По крайней мере, Свиньин, который также едет с ним, вбил в голову, что такая поездка для моей карьеры очень полезна, и хочет сие устроить.

Боткин хотел задержать меня на Пятницу, но я сказал ему, что с удовольствием остался бы, но обещал в Пятницу быть у Герцога – он и прикусил язык. Спрашивает: «Вы надолго едете?» Отвечаю: «Не знаю, недели на полторы». «Так черкните, когда вернётесь». У какого Герцога буду я в Пятницу!

Как нетрудно быть хорошим; вообрази, сегодня одного молодого человека до слёз довёл хорошими словами, он обещал не кутить, бросить женщин и вино, и просил хоть изредка говорить с ним, а то он, будто бы, не слышит живого слова. Это моё-то слово живое! Скажите на милость.

Вчера переработал сказочку. Держал её в слогe Апокалипсиса. Много сентиментальное выкинул. Сделал 3 вставки, но всё ещё угловато и тяжело-вато, надо перерабатывать.

Пришёл Рылов, допишу потом.

Ну, денёк у меня выдался! 3 приходят всё денег просить. И не дать со-вестно, а посему - 50 руб. как не бывало.

Рылов всячески просился на ближайшие отношения. Я обласкал его. Кажется, когда захочу, действительно могу быть приятным. Уходя, он целовался и уверял, что окреп духом и идёт работать. Говорил, по-видимому, искренно.

Нет, хорош Куинджи! Уехать и не сказать ни слова. Так, пожалуй, не поступают с близкими людьми, а я думал, что он меня таковым считает.

И всё-таки я разбит весь, и всё-таки мысли мои разбежались, и только на Тебя, хорошая моя, надежда, что при Тебе опять соберусь в клубок на страх врагам.

Только не обижай меня, а поцелуй крепко и погладь своими славными руками, славными за музыку.

Я предчувствую, как много даст нам Твоя музыка.

Среда, утро.

Сижу дома, ибо сейчас придёт Судебный Пристав. Скучно. Письма Твоего нет как нет. Вчера, прости, говорил о Тебе Рылову, не мог удержаться, ибо мне

хочется говорить о Тебе. Оказывается, он Тебя очень заметил на Симфонич. Концертах.

Ничего не работается, а Ты меня, небось, не жалеешь! А мне-то как хочется быть около Тебя. Больше не буду писать, иначе будут попораны все законы справедливости – необходимо возмездие.

Привезу Тебе стихи, которые прислала мне Манасейна.

Если в Пятницу не встретишь – рассержусь. Целую Тебя и Екат. Вас. Да делаю это не для приличия, а в самом деле.

Дядя говорит, что в Париже картина моя так повешена, что даже не разобрать, что на ней изображено.

Твой весь

Н.Р.

Люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю,
люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю.....

(Ты-то всего 3 строчки любишь, а я целых 5 – не угодно ли?).

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/256, 3 л.

22 Августа [1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

22 Авг. Среда. 2 часа дня

Милая моя, дорогая моя, хорошая, отчего Тебя нет со мной? Вернулся я домой сегодня, в Среда, в 7 час., оказалось, все наши уехали вчера вечером в Псков на неделю к знакомым в имение...

И пусто, и душно, и скучно мне одному. И как вспомню, что мы могли быть вместе, так ещё хуже становится, и хочется мне быть около Тебя и смотреть на Тебя. Мы говорили, что письма лишнее; какое же это лишнее, которое необходимо! Хоть бы сейчас, - я не могу не писать Тебе. Если бы Ты знала, как мне хочется с вечерней почтой получить Твоё письмо. Когда же это мы заживём одною жизнью! и вместо репетиции отправимся в настоящее путешествие? – поездочку богатырскую по заморским краям неизведанным.

Как окончилось Твоё странствование? Я долго следил за Тобою из вагона, как пошла Ты обок с какой-то семьёю священника, пошла спешною, деловитою походкою, словно бы шла по определённом делу. Думаю, Тебе не очень-то ловко было одной на чужой станции. Где же Ты ходила там? Попала ли на поезд? А главное, - что вышло дома? Не было ли раздражений, а если были смешки, то какие? Вероятно, у княгини и слово и мимика не уступали друг другу.

Эти дни я чувствовал себя не худо, удушья не было, насморк малый, хрипкость небольшая, так что даже читал вслух, но боюсь, что в городе опять начнётся неспанье, что-то с утра уже мало воздуха и тяжело как-то. Боюсь, не наделала ли беды вчерашняя верховая прогулка, ибо я, проскакав на чудесном коне верст 20, сел на холодном ветру писать этюды. Впрочем, доктор (я сейчас от него) говорит, что простудного ничего нет, а всё это чисто нервное. Дал успокоительное, а затем собирается травить меня мышьяком.

Теперь, моё пребывание в Окуловке; сперва общий вывод, затем частности. Общий вывод такой: я положительно начинаю верить, что иногда могу быть интересен, занимателен и когда хочу, тогда могу заполнить людей. За 3 дня моей бытности там я направил на герцога и герцогиню такой фонтан всякой всячины и археологической, и художествен., и фантастической, и литературной, и вс. прочей, что в результате последовали самые радушные приглашения опять приехать в Окуловку и непременно быть у них в городе, а также желание быть у меня. Попал я прямо к обеду. Сперва мне было жестоко не по себе, ибо я не знал о чём говорить, а главное, в каком тоне. Они не знали, что я художник, и разговаривали как с преп. Арх. Института. После обеда в кабинете за кофе Герцог вспомнил, что видал мои ящики, и, как причастный к искусству, спросил, работаю ли я. На мой утвердительный ответ, вопрос: «выставляете ли Вы?» «Выставляю». «Где?» «На Академ. выставке, мои картины «Поход» и «Старцы». Герцог вскакивает, - «Так это Ваши картины? Простите, я не знал, в отношении ко мне Вас называли преподавателем, а не художником». После этого разговор пошёл уже из другой оперы, археология отступила на задний план и выступило искусство. Спервонач[ал]у мне было трудно с ним сговориться, ибо он противоположного лагеря и дружит с художниками СПб. Общества, которых ведь я не люблю, но затем мне удалось вставить несколько таких словечек, что он невольно начал говорить моими мыслями, а когда я набросал эскиз (охоту на кабана – он больш. охотник), то он: «уж увольте, а я конфискую ту вещь, она мне очень нравится, только подпишитесь».

Герцогиня оказалась очень добрая и простая, и Герцог иногда (в последний день моего пребывания, когда перестали меня стесняться) говорит ей (при мне) такие вещи, что анекдоты Бологовские - младенчество. За 3 вечера о чём только мы ни говорили! Я ему подарил мои статьи. Герцогиня, узнав что я писательствую, притащила альбом свой, чтобы вписать туда что-нибудь, говоря, что соседи недурные – как Апухтин и К. Р. Пришлось набросать мал. стихотворение на тему:

«Я мёртвых искал. Мне хотелось

Жизнь в смерти далёкой найти...,

но, мол, около смерти холодно и неприветно, а около живых, встретившихся мне во время поисков мёртвых, - мне лучше и теплее». Дописал этюд именья и подарил Герцогине. «Здесь, мол, ему не худо висеть». «Как, Вы его оставляете?» «Да, Вам». «Это мило, но уж позвольте мне взять его в город, ему место в городе, а не в деревне».

В первый обед сделал неловкость: съел суп не той ложкой. На раскопке герцог всё время присутствовал. В научном отношении она довольно интересна; ибо дала кострище до 6 верш. толщиной, а в нём осколки костей коня и шлаки. Герцог будет о ней писать в «Nature». Как хорошо было прокатиться верхом; лошадь – вороной казак – превосходная; скачет спокойно и ход широкий. Может быть сердце Герцога, как хозяина и сжималось, но я проскакал последние три версты в опоре. Жалко, не пришлось поохотиться, первые 2 дня работал, а с 3 с утра было жестоко холодно – всего 4 градуса.

Уже видал Свиньина. Сегодня он едет в Абас Туман, придётся проводить его, кстати, и письмо Тебе опущу. Он тащит меня ускорить заграничную поездку, чтобы проехать с ним в Ай-Тодор к Георгию Михайлов[ичу]. Всего в путешествии он думает пробыть 5 недель. Уверяет, что с Георгием Михайловичем лучше всего мне ближе познакомиться в деревне - так всё проще и отно-

шения могут возникнуть лучше. Дай Бог, чтобы так. Мне, кажется, удаётся устроить Зарубина на место Собки. Собко ушёл; ему дали 1200 пенсии и звезду. Всё это так, и всё-таки мне как-то тяжело и скучно. Приходит в голову, а вдруг дальше всё хуже пойдёт? А вдруг эти мои удушья тоже неспроста, хотя доктор говорит, что всё пройдёт.

Миленькая, славная моя, хоть Ты-то пиши мне. Читала сегодня фельетон Розанова? У нас есть тоже что-то роковое. Знаешь, я ещё больше люблю Тебя! Ты мне ещё роднее и Ек. Вас. тоже роднее.

Крепко, крепко Тебя целую и надеюсь, что оспа до 1-го пройдёт, и вы вернётесь.

Хорошая, хорошая, милая, милая – пиши подлиннее. Приехал ли Яков (я ведь ревную немного – он Тебя видит, а я нет).

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/211, 4 л.

**Четверг, 24 Августа [1900 г., СПб.]
Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Шапошниковой**

Дорогая моя, вот уже Четверг вечер, а Твоего письма всё нет и нет – 5 дней оставляешь меня без весточки, особенно зная, каково моё скверное настроение. И сегодня чувствую себя неважно, хотя ночь спал не худо, но лёг поздно – около 2-х. Вечером был Косоротов; кажется, у него настраивается заграничная поездка от «Нов[ого] Времени» и он просил меня заменить его на это время в Нов. Вр. Хотя и неприятно, но придётся, ибо иначе туда может проникнуть какой-либо нежелательный мне элемент.

Сегодня я много думал, и знаешь о чём? О том, что нам не следует надолго откладывать нашу свадьбу, не то мы вконец нервы испортим. Нет, право будем к весне это дело подгонять, и даже хорошо, что место пока не устраивается – ибо поедем, прежде всего, куда-нибудь на хорошее тёплое купанье и, забыв кто мы, и зачем, и откуда, месяца 3 укрепим себя, а затем некоторое время проживём в одном из художественных центров. Я буду писать, а Ты поработаешь у какого-либо местного профессора – (Боровка Тебе кого-либо посоветует). Я думаю, что мама, увидав, как расхлябались мои нервы, даст мне денег 3000 на год (года на 4), так что, если я сам даже ничего не заработаю, то всё же проживём помаленьку, особенно за границей, где меньше пойдёт на представительство. А там вернёмся и место схлопочем. Так что, быть может, всё это и к лучшему, что теперь ещё ничего не получается. Воображаю, как мы укрепим наши нервы, живя вместе, вдали от повседневного общества, купаясь и дыша морским воздухом. А затем как свежо пойдёт моё творчество и как много успеешь Ты при серьёзных занятиях и в обстановке художественного центра. Это должно быть интересное, хорошее время, о котором, без сомнения, мы будем вспоминать впоследствии с радостью. В теперешнем же нашем положении мы оба как-то разбиты и не делаем того что можем. Ты, в силу различных обстоятельств, очень ослабла физически, и волнение при игре и пятна на щеках – всё это свидетельствует о необходимом укреплении нервной системы. Мне тоже это необходимо, иначе оно разовьётся в неврастении, и будет впоследствии мешать выполнению задуманной программы.

Так-то, моя хорошая! Напиши, по душе ли Тебе сии соображения. Как скучно, что не получаю Твоих писем. Мне уже представляется, что приехали гости и Ты забыла о своём майчике, который всё время о Тебе думает и мысленно целует Тебя. Мне плохо работается и плохо думается. Сегодня я заезжал к Селиванову – он ужаснулся моему облику, «отчего у вас под глазами так сине?»»

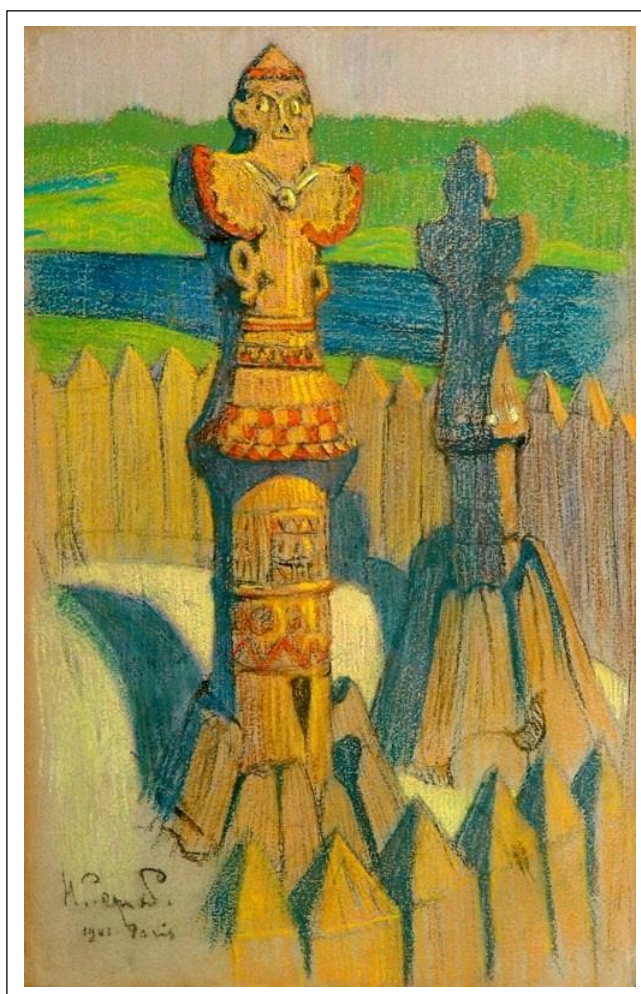
Целую Тебя и Ек. Вас. Получила ли моё первое письмо?

Н. Р.

Четверг, 24-го Августа

Князя поцелуй, но иначе чем Екатерину Васильевну.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/255, 2 л.

Н.К. Рерих. Идолы. 1900.

«Сегодня написал эскизец, вроде как при Тебе рисовал; тоже идолы, река — всё в самых ярких тонах. Думаю написать эту штуку; она должна мне удалась и будет для меня полезна, ибо замолчат все кричавшие, что я не пишу в ярких тонах...»

25-26 Августа 1900 г. [СПб.]

Письмо Н. Рериха к Е. И. Шапошниковой

Пятница, утро 25 авг.

Мне страшно хочется встретиться с Тобой, хорошая, в Вашей квартире. Мы должны встретиться совсем иначе, нежели расстались весною. Коли вспоминать, сколько недосказанного было весною и насколько чужими мы были тогда, сравнительно с осенью. Тогда было хорошо, была борьба, противодействие, отпор, теперь всё это устранилось, и понемногу начинается дружное поступательное движение не во имя личности, а во имя дела и принципа. Правда, теперь как-то теплее у нас и сама страсть не мешает этой хорошей теплоте, потому что и страсть эта хорошая. Одно скверно (как я писал вечером), что мы немного разбиты, но это временное, и мы скоро соберёмся в крепкий клубок.

Пятница, 6 часов

Последняя надежда лопнула получить Твоё письмо. Ума не приложу, что сие может значить; завтра уже Суббота, т. е. неделя как не беседовали. Уже здорова ли? Не глаза ли опять? Но если бы глаза, то хоть Ек. Вас. написала. Если же из-за гостей, то не прошу, так и знай. Если завтра не получу письма, сделаю запрос телеграммой и заявлю полиции.

Сегодня написал эскизец, вроде как при Тебе рисовал; тоже идолы, река — всё в самых ярких тонах. Думаю написать эту штуку; она должна мне удалиться и будет для меня полезна, ибо замолчат все кричавшие, что я не пишу в ярких тонах. Эх, если бы вернулось моё хорошее самочувствие, а то при такой разбитости и руки-то не поднимаются. Получил письмо от Ек[атерины] Ив[ановны] Бекл[емишевой]. Пишет, что они на Капри и утопают в блаженстве. Я даже рассердился: потому, какое они имеют право утопать в блаженстве, когда их приятель так мерзко себя чувствует. В этом духе и ответил ей.

Временами мне кажется, что это со мной неспроста, а начинается что-либо скверное. Не кажется это Тебе?

Отчего нет Твоего письма? Как бы я его целовал и, ложась спать, много раз перечитывал и утром встал бы несравненно бодрее.

Суббота, 9 утра

Сейчас отправлю письмо, не дождавшись Твоего. Ложась спать, опять думал о нашем будущем заграничном житье и всё более восторгаюсь им. Мы на покое укрепим нашу технику, совместно проштудировав всю историю живописи и музыки, а также наиболее важные философии. (Прочти у Ницше «Вторая плясовая песнь» — не правда ли прелесть — это в конце «Заратустры». Какие у него глубокие символы!) И таким образом, проработав год, мы вернёмся домой во всеоружии, более близкие к выполнению нашей задачи кружка. Для руководства необходимы также факты, а их у нас пока мало, — надо этот пробел восполнить, а восполнить его нам удастся лишь вдали от Петербурга. Правда, Мюнхен (а это самый подходящий для нас художественный центр) много шумливее Питера, но та жизнь нам чужда, и мы несравненно глубже погружимся в себя и поработаем. Методичность и система окружающей немецкой работы внесут и в нашу российскую нервность порядок, и мы будем тру-

даться, забывая наши теперешние большие вопросы: «А в силах ли я?», «Могу ли я?» «К чему всё это?» и прочее что нас теперь волнует.

Непреренно напиши мне, что думаешь о таком плане, я уверен, что он Тебе будет по душе, ибо Ты просмакуешь, каково полезен он и для Тебя, и мне.

Возвращаюсь к Ницше. Чем больше читаю его, тем больше убеждаюсь, что написано это отнюдь не для особо сильных умов, а для всех, и за этим учением великое будущее. Непреренно почитай "Заратустру" и увидишь, что мы с Тобой природные нищенианцы.

По тону моих писем, я думаю, Ты видишь, насколько за этот приезд мой Ты стала мне ещё ближе. Сегодня уже 26-е, стало быть, уже скоро переедете, ибо про оспу что-то не слышно, и, во всяком случае, она в более низких слоях, с которыми Ты никаких сношений не имеешь, так что вероятность заразиться настолько же велико, как и от нищих, которым Ты подаёшь в Бологое.

Вчера был Рылов, я ему говорил, что думаю надолго [выехать] за границу весной, он сказал, что многие спрашивают у него, почему я до сих пор не был за границей. Непреренно поедем.

Целую Тебя крепко (вспоминаю вечера у князя в кабинете) и Екат. Вас. и всех.

И тётю Лидю   Н. Р.

26 августа 1900 г.

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/162, 3 л.

26 Августа [1900 г. СПб.]

Письмо Н. Рериха к Шапошниковой Е.И.

26 Августа, 6 часов.

Только что, милая, хорошая, дорогая, отправил Тебе письмо, а вот опять хочется писать. Господи! как ждал я Твоего письма, без конца посылал прислуг смотреть в кружку, и если бы с вечерней почтой не получил ничего от Тебя, то не знаю что бы и было. Теперь даже смешно, но у меня даже руки холодели при мысли, что Ты не позаботилась написать мне. Ты занимаешь во мне огромное место, и, конечно, и мне хочется занимать в Тебе такое же, и когда я думаю о Тебе чуть ли не всё время и мне кажется, что Ты думаешь обо мне меньше – то, конечно, становится смертельно обидно. Отчего Ты ничего не написала об окончании нашего путешествия? Не рассердилась ли?

Если Ты хочешь, я непременно побываю у Мержеевского, но в начале Сентября. Сегодня чувствую себя лучше, колени не болят, и проспал я около 10 час., а как получил Твоё письмо, то и совсем хорошо стало, даже в голове просветлело. Только уж не прогневайся, если письмо Твоё прочту и не раз и не два, а много раз, и на ночь, и утром. Как у меня сразу настроение изменилось!

Сегодня приехал Зарубин; я был у него, дал ему целую программу, как действовать в Обществе, как говорить с Балашовым и прочими, чтобы получить место Сойки. Предупредил, что он не должен говорить, что мы с ним видались. Мне страшно хочется, чтобы он получил это место. Хочется, чтобы улучшилось его материальное положение, а также и потому (Тебе сознаюсь), чтобы на выдающихся местах были более или менее мои люди. Для моей программы это важно. Если бы Зарубин узнал последний довод, то-то бы он оби-

делся. Зашёл он и ко мне в мастерскую и особенно одобрил новый эскиз с идолами – вероятно, его и буду писать.

Про Косоротова я уже писал Тебе в утреннем письме. Напиши мне впечатление утреннего письма? Почему Ты думаешь, что у нас ничего не клеится? Ведь прошлый приезд мы уже пробовали читать вместе – и ничего выходило.

Надеюсь, что завтра напишешь мне хорошее длинное письмо. Пожалуй, два моих получишь одновременно. Как я уже писал, полагаю, что Вам можно вернуться к первому Сент.

Сам отнесу письмо в кружку. Милая моя, хорошая, уж как-то я горд Тобою. И как только Ты подкрепишь меня, так чувствую силы сделать многое. Слава Богу, наши отношения становятся всё полней и теплей. Так едем за границу, учиться?

Рискую оказаться пошлым, хочется мне назвать Тебя лучшими именами, какие я только знаю. Видишь, какое действие имеет Твоё письмо, а потому пиши не медля. Всем поклон, Степу целую.

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/257, 2 л.

[27 Августа. 1900 г. СПб.]

Письмо Н. Рериха к Е. И. Шапошниковой

Воскресенье. 5 часов.

Только что пообедал, съел невероятную массу грибов и арбуза – так что не на шутку опасаюсь возмездия – только бы не ночного.

Сегодня у меня, моя дорогая, праздник – праздник хороший. Зарубин получил место Собки – всё вышло так, как я предполагал, т.е. он назначен пока исправляющим должность, но это всё равно. Никогда я не думал, что могу так радоваться за происшествие с посторонним человеком. И какая это хорошая радость! Не знаю, буду ли я так радоваться, когда устроюсь в Музее. Я начал прыгать, целовать его, тормошить – как угорелый. И что хорошо, что во всём этом не было своекорыстных побуждений. Я тогда забыл, что он мой человек и всякое прочее, и видел только, что ему хорошо, и от этого и мне становилось хорошо до невыразимости. Слава Богу, теперь он обеспечен!

Таким образом у меня сегодня большой подъём. Эскиз с идолами меня радует – он сильный, яркий, в нём ни драмы, ни сантиментов, а есть здоровое языческое настроение. Письмо Твоё сегодня опять перечитывал – вижу, Ладушка меня очень любит – чего же мне ещё? Одно свинство – завтра придётся с Боткиным в Музее сидеть, ну да это ещё ¼ беды.

Рассказывал я Зарубину мои планы о Музее и Георг. Михайл. – всё это ему ужасно нравится, но говорит, что, коли что будет наклёвываться, то ехать надолго в Мюнхен рискованно, могут здесь перебить. Надеюсь, за эту зиму всё достаточно выяснится.

Читал Зарубину сказочку – он сильно её одобряет.

Сейчас была тётка. Есть же на свете такие глупые и пошлые создания, просидела всё же около часу, еле-еле удалось её выжить. Немного испортила моё праздничное настроение.

В мастерской сегодня совсем не работал; пришёл туда часов в 10, устанавливал новый холст (это уже 6-й за лето), а потом пришёл Зарубин с хорошими вестями и мы просидели до 1 часу.

Теперь мне любопытно знать кое-что о Тебе. Как музыка, ведь экзамены не за горами. Как домашнее настроение? Не успела ли Нина Алекс. настроить Стёпу против меня? Потом мне вот что интересно: мне кажется, что дурные мысли Тебя окончательно оставили, так ли это? Сдаётся, что так! Если так, то Ты одержала уже великую победу над собою.

Странно мне, отчего это я всегда, любивший и любящий писать письма стихами и пародиями, не нахожу возможным писать к Тебе так же. Не в том же ли причина, в чём у Тебя, когда Ты не могла пикироваться и дразнить меня.

Милая, хорошая – сегодня письмо в красной рамке и, пожалуй, последнее, ибо Вы когда переезжаете?

Пиши мне длиннее и лучше. Думаю завтра получу Твоё.
Целую Тебя и всех.

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/431, 2 л.

28 Августа [1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Понедельник, 28-го Авг.

Вот-то несчастье! – Не получил сегодня Твоего письма. А уж как надеялся получить; неужели мои велеречивые письма не размягчили Тебя и не понудили к перу, о жестокосердая женщина!

Сегодня я опять в плохом чувствовании, впоследствии разговора обо мне Ап. Васнецова с Лазаревским. К Лазаревскому (в Общество) приходит Ап. Васнецов по делу и, между прочим, (его я знаю очень мало) спрашивает:

- «Ну, что ваш маг и волшебник делает?»
- «Вы про кого?»
- «Да этот пейзажист, жанрист, историк и всё вместе».
- «Да кто такой?»
- «Да ваш вице-директор Музея»

Не правда ли, сколько в этих словах недоброжелательства, жесткости и, боюсь, даже зависти.

Чем я могу мешать такому художнику как Васнецов; право, они сами подобными суждениями приписывают мне значение, какого я и не заслуживаю и не имею. Также и Кравченко на днях говорил, что, однако, какие местечки молодёжь при искусстве захватывает! Воображаю, какой гомон подымется, когда я окажусь в Музее.

Мне жалко Зарубина и ему придётся теперь столкнуться с кличкою карьериста и с завистью. Вчера он сидел у меня весь вечер; я развивал ему план солидного торгового дома «Зарубин и Рерих». Сегодня в Музее Боткин (он, сви-

нья, продержал меня там часа 4 ½) уже говорил мне «жалко мне Виктора Ивановича, ведь, пожалуй, на этом месте придётся ему отложить кисти в сторону». Ведь теперь бедного Витю начнут эти подлецы рядить в чиновника.

Когда же Вы переезжаете? Сегодня в ночь вернулась сестра с Борей. Они приехали в 2 часа. Боря лёг спать, а мы с сестрой толковали до 5. Она одобряет все мои планы, но говорит, что о деньгах лучше обождать говорить с мамой, ибо она и без того собиралась былой залог отца, т. е. около 29 тысяч, теперь же разделить между нами (на 4 части). Нам это на первое время, года на 3 – очень будет на руку. Кроме того, она (как говорит сестра) с лёгкостью из % даст рублей 700-800. Так что с лёгкостью уже составляется около 3000. Это не худо, ибо мне сдаётся, что в этом году я непременно что-либо продам. Если б было возможно, я бы ускорил свадьбу даже на Январь, но об этом боюсь мечтать.

Пожалуй, от Тебя будет уже последнее письмо – скоро увидимся.

В Среду буду у Мержеевского. В Среду же остаток дня проведу у Стасова – он мне будет давать советы для поездки. Ведь уже скоро и ехать мне придётся.

Целую Тебя и Ек. В. и славных всех прочих.

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/429, 2 л.

«Сижу и перечитываю Твоё недавно полученное письмо – не-счётно раз перечитываю, и мне делается ужасно хорошо. Наконец-то у меня есть человек, к которому я могу нести всё моё, нести на доброе слово.....»

СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ ОЧАГА

«Для меня очаг — это тот священный, неугасимый огонь, который с доисторических времён собирал вокруг себя человеческий коллектив. Был ли это огонь домашнего очага, т. е. очага семьи, был ли это очаг племени, целого народа, очаг храма или какого-нибудь божества, но всегда только он собирал вокруг себя людей и только около него они становились самими собою, т. е. тем, чем предназначал им быть «Хозяин». Только здесь находил человек всегда своё счастье. И, разумеется, первую ступенью в создании себе очага для современного человека является очаг семьи. К нему приводит человека даже и инстинкт рода...» (Н.К. Рерих о «Пер Гюнте». 1912.)

Н.К. Рерих. Воины у костра. [1894.]

Н.К. Рерих. Священный очаг. 1900.

29-30 Августа [1900 г. СПб.]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

29 Августа, вечер часов 11 ½.

Сию и перечитываю Твоё недавно полученное письмо – несчётно раз перечитываю, и мне делается ужасно хорошо. Наконец-то у меня есть человек, к которому я могу нести всё моё, нести на доброе слово. Хорошая Ты у меня – славная и добрая, и когда сравниваю Тебя с моими, особенно же с мамой, то результаты сравнения получаются самые контрастные.

Положительно, я убеждаюсь, что у меня с моими, или нет настоящих родных отношений, или я слишком требователен. Сегодня ездили с мамой в Гостиный Двор. По дороге она напала на меня: незачем-де мне ехать за границу со Свиным – пользы знакомства с наследником и Георг[ием] Мих[айловичем] она не понимает – Свиный-де не хочет ничего тебе делать, иначе бы Бенуа уже давно согнал с места. Я тщетно старался доказать, что если даже Свиному во многом и не доверять, то всё же убрать генерала Бенуа не легко и уже и то много, что Свиный с Тевяшевым расшатала его почву и положение. Подобные вещи скоро не делаются. Ничего-де, у меня не выходит, и ничего-де я не делаю. Как это мне было обидно, я и сказать не могу. Ведь несправедливость! – и от кого же?

Радуюсь, что Вы в Пятницу выезжаете. Вероятно, в Субботу вечером мне уже можно будет быть у Вас. Завтра утром буду у Мержеевского – тогда допишу его заключение. Меня пугают чрезмерно быстрое чередование страшной энергии и полной апатии и упадка. Что-то он скажет?

Теперь опять буду целовать и перечитывать письмо Твоё.

Среда. 9 утра. Сейчас еду к Мержеевскому. Сегодня в 5 ч. утра опять было удушье.

Был у Мержеевского. Резолюция его следующая: всё в порядке – все органы хороши, но нервная система расшатана сильно. Лечение: холодные обтирания, всякие капли и облатки, уменьшение работы и ускорение свадьбы, а также отъезд за границу, где сперва отдых, а затем спокойная работа. Потом всё – придёт в норму.

Так что недаром мне этот план приходил на ум – вероятно, в выполнении его наше спасенье. Надо полагать, что когда и медики станут за нас орудовать, то мама сделает всё, что надо. Только одного не придумаю, как это ухитриться и это время меньше работать? – как раз перед поездкой много хлопот и работы.

Мержеевск. очень хвалил мой организм и образ жизни. Спрашивает: «И ваша невеста сочувствует худож[ественным] вашим задачам, так что рассчитываете на спокойную жизнь?» - «Конечно, так и будет». «В таком случае, за чем до весны свадьбу откладывать? Нельзя ли ускорить?»

Передай это вместе с поцелуем Ек. Вас. и прекрасной тетушке, т. е. княгине. Приезжайте.

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/430, 2 л.